

Оксана Пашко

К истории создания «Антологии украинской поэзии в русских переводах» (1924)

«Антология украинской поэзии в русских переводах» (далее – Антология), под редакцией Александра Гатова и Сергея Пилипенко со вступительной статьей Александра Белецкого, была издана в начале 1924 г. Государственным издательством Украины (далее – ГИУ)¹. В «Антологии» Александр Иванович Белецкий представлен только как автор предисловия и переводчик (псевдоним Ричард Победимский), однако документы свидетельствуют о том, что он принимал самое активное участие в создании книги и формировании ее концепции. Антология представляет собой книгу карманного формата, 15x11 см, тираж – 5000 экз. (что немало для Украины 20-х годов), на обложке воспроизводится рисунок Георгия Нарбута, сделанный для макета журнала «Зорі» (1919).

Первый раз упоминание о готовящейся Антологии встречаем в ноябре 1922 г. во внутренней рецензии ГИУ, написанной А. Белецким на «рукопись, заключающей в себе собрание стихотворных переводов украинской лирики XIX–XX вв. на русский язык (переводы Д. Выгодского, В. Катаева, Ю. Олеси, Г. Шенгели и др.)». Текст рецензии впервые публикуем как дополнение к нашей статье². В рецензируемой А. Белецким рукописи было 164 страницы, текст, скорее всего, не сохранился. Об уровне исполнения переводов можно судить по отзыву А. Белецкого, который упрекает составителей и переводчиков, во-первых, в случайности отбора («не переведено много, что должно найти себе место в антологии, но переведено немало такого, что с успехом могло бы остаться без всякого перевода»), во-вторых, в том, что «некоторые переводчики обнаружили весьма слабое понимание украинского языка». Из всех переводов А. Белецкий считает удовлетворительными только тексты Давида Выгодского³, «чи переводы вообще тщательней сделаны и могли бы – за исключениями! – быть приняты в качестве материала для антологии». По-видимому, на основании рецензии А. Белецкого все переводы В. Катаева, Г. Шенгели и многие тексты Ю. Олеси были отклонены (осталось только два перевода Ю. Олеси), а переводы Д. Выгодского планировалось издать отдельной книгой «Сборник из украинских поэтов» (объемом 2 печ. листа); этот проект был даже включен в редакционный портфель 1923 г., в документах значится, что книга приобретена⁴. Однако в списках договоров за июнь–сентябрь 1923 г. встречаем уже новый проект – «Антологию украинской поэзии» (ориентировочный объем издания – 20 печ. листов), редакторами которой назначены – Сергей Пилипенко и Александр Гатов⁵. 3 октября 1923 г. издательством было получено письмо от Д. Выгодского (его содержание нам не известно) и в ответ было решено просить автора разрешить включить его переводы в корпус готовящейся «Антологии»⁶. Скорее всего, разрешение было получено. Документы

¹ Анонс этого издания размещен в 8-ом номере библиографического издания «Літопис українського друку» (Х., 1924. С. 38). Сергей Ефремов 8 марта 1924 года записывает в своем дневнике, что уже получил книгу (Ефремов С. Щоденники. 1923–1929. К.: Газета «Рада», 1997. С. 87).

² Попытки публикации этой рецензии были предприняты Александром Леонидовичем Рыбалко, заведующим отделом информации и научного использования документов Центрального государственного архива высших органов власти (Украина, Киев, далее – ЦДАВОВ). К юбилею А. Белецкого он подготовил проект издания неизвестных материалов ученого, о чем свидетельствуют материалы архива А. Белецкого (Институт литературы им. Т. Шевченко. Ф. 162 (Фонд А. И. Белецкого). Оп. 1. Д. 5516). Однако по имеющимся у нас данным увидела свет только обзорная статья, которая является результатом огромной работы по выявлению наследия А. Белецкого в фондах ЦДАВОВ (Рибалко О. Л. О. І. Білецький: неосяжний діапазон знань та інтересів // Архіви України. 1991. № 1. С. 39–48).

³ Подробнее о жизни и творчестве Давида Выгодского см.: Фатхуллина Римма. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица. Биографический альманах / редактор-составитель А. В. Лавров. М.–СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 78–110; однако о его сотрудничестве с ГИУ в статье не упоминается.

⁴ «Состояние портфеля Центрального редиздата Государственного издательства Украины» (год – [1923]) 11. Выгодский. Сборник из украинских поэтов, [русский], сборник, 2 [объем издания в печатных листах], в портфеле (приобретена) (ЦДАВОВ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1185. Л. 435).

⁵ «Договоры, заключенные с 15 июня по 25 сентября 1923 года. 39 – Пилипенко, Гатов – Антология украинской поэзии (сборник переводов на русский язык) – рус – 20 – 1/X [срок подачи рукописи] (ЦДАВОВ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1185. Л. 461).

⁶ «1. Протокол засідання літературної секції ДВУ (3.10.1923). СЛУХАЛИ:

Центрального управления по делам печати Украины свидетельствуют, что цензору Антология поступила не позднее 15 января 1924 г.⁷, то есть на работу у авторов было около полугода⁸.

Других документов, касающихся истории создания сборника (кроме упоминания об одном изъятии по цензурным мотивам переводе, о чем ниже), в архиве ГИУ нам выявить не удалось. Однако структура книги, принципы отбора текстов, источники публикации оригинала могут дополнить наши представления об «Антологии».

В окончательном варианте сборник включает 148 переводов украинских поэтов⁹ (64 автора), от Ивана Котляревского до современности, то есть до конца 1923 г.; фактически литературный проект охватывает 125 лет развития украинской поэзии (первые главы «Энеиды» И. Котляревского опубликованы в 1798 г.). Составители (Александр Гатов и Сергей Пилипенко) так определили задачу Антологии: «*посильно заполнить пробел в русской переводной литературе, до сих пор весьма скудно знакомившей русского читателя с украинской поэзией*»¹⁰, причем редакторы постулировали объективные принципы отбора: «*дать общее представление об украинской поэзии и не отдавать предпочтения тому или иному ее течению*»¹¹. Вряд ли редакторам удалось вполне выполнить задуманное, при отборе чувствуется и политическая установка (к примеру, включены стихотворения современных поэтов, написанные «по случаю»: дан отрывок из поэмы Валериана Полищука «Ленин», Евгена Грыгорука «Замнарком») ¹².

Редактор сборника Сергей Владимирович Пилипенко (1891–1934) – одна из самых ярких фигур литературной жизни Украины 1920-х годов. Он окончил Первую Киевскую Александровскую гимназию, некоторое время учился на историческом факультете Киевского университета, но за революционную работу был отчислен; прошел всю Первую мировую войну, основал объединение крестьянских писателей «Плуг» (группа ориентировалась на начинающего автора). С. Пилипенко редактировал центральные харьковские газеты, журнал «Плуг», был идеологом и реализатором множества антологий, сборников, альманахов 1920-х годов. В начале 1920-х гг. выступал за переход украинского языка на латиницу¹³. В 1934 г. расстрелян.

Детальный анализ переводов Антологии показывает, что перед нами компилятивный проект. Точное количество оригинальных переводов, вошедших в Антологию, трудно определить, эти тексты нигде отдельно не отмечены: в предисловии редакторы ограничились фразой «*использовав имеющийся материал, мы значительно дополнили его новыми переводами, сделанными специально для нашей “Антологии” и впервые появляющимися в печати*»¹⁴. Очевидно, что Антология

Листа Д. Вигодського про збірку української поезії російською мовою.

УХВАЛИЛИ:

Запитати про згоду Д. Вигодського на видрукування його перекладів у загальному збірнику» (ЦДАВОВ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 379. Протоколи засідань секції Всеукраїнського видавництва (23.01–25.12.1923). Л. 61).

⁷ Ф. 166. Народний Комиссариат Просвещения Украинской ССР. Центральное управление по делам печати. Оп. 3. Д. 982. Материалы Киевского губотдела по делам печати... 18 января 1923 – 15 января 1924. Л. 323.

⁸ О том, что поспешность в подготовке Антологии отразилась на ее качестве, понимали и сами издатели. В письме Заведующему Одесского Отделения ГИУ от Заведывающего Центральным Техиздатом по поводу подготовки к печати книги Г. Петникова «Молодая Германия» читаем: «Тов. Петникова – Молодая Германия – просим выпустить *не спеша, но изящно, во всяком случае лучше Киевского издания Антологии* (имеется в виду Антология украинской поэзии в русских переводах; курсив и выделение жирным в статье сделаны мной. – О. П.). Корректуры этой работы Вы ведете у себя, не посылая автору» [сентябрь, 1924 г.] (ЦДАВОВ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1186. Л. 27). О том, что при «внимании и корректности» многих ляпсусов можно было бы избежать, писал и один из переводчиков Антологии Юрий Полетика (Полетика Ю. «Антология украинской поэзии» в русских переводах под редакцией А. Гатова и С. Пилипенко. Вступ. статья проф. А. Белецкого. Гос. Изд. Украины, 1924 г. Стр. 316+2 [Рецензия] // Русский современник. 1924. Кн. 2. С. 284).

⁹ С содержанием сборника Антологии можно познакомиться тут: СовЛит. Советская литература. Тексты. Библиография. Исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/ciss1297.html> (дата обращения: 07.06.2015).

¹⁰ [б. а.] От редакции // Антология украинской поэзии в русских переводах / под ред. С. Пилипенко, А. Гатова. К.: ГИУ, 1924. С. 5.

¹¹ От редакции // Антология. С. 6.

¹² О неразборчивости редакторов писал Юрий Полетика: «Подбор их (переводов – О. П.) до нельзя пристрастен, – нет почти ни одного поэта, представленного характерными для него вещами, – наряду с интересным и важным, встречающимся кстати редко, воблой прет ненужное, неважное, третьестепенное. Таков подбор стихов Вороного, Олеса, Филянського. <...> Вдобавок все авторы перемешаны вне всякого плана и порядка, даже хронологического» (Полетика Ю. Антология... С. 283–284). Выраженное в довольно резкой форме наблюдение Юрия Полетики в целом справедливо.

¹³ Также о С. Пилипенко см.: Пилипенко С. Вибрані твори / упоряд., прим. Ростислава Мельникова. К.: Смолоскип, 2007. 887 с. («Розстріляне Відродження»); Кардиналовська Т. Невідступне минуле. К.: Дніпро, 1992.

¹⁴ От редакции // Антология. С. 6.

была ориентирована не на специалиста-филолога, а на массового читателя. Дореволюционные и пореволюционные авторы представлены практически в одинаковых пропорциях: почти половина текстов (60 из 149) – это переводы дореволюционных поэтов, из них 43 текста – перепечатки (13 текстов – из «Молодой Украины» И. Рукавишников¹⁵ и 30 – из «Поэзии славян» Н. Гербеля¹⁶ (это переводы Л. Мея, А. Плещеева, Н. Гербеля, Ф. Гаврилова, М. Михайлова и др.)). Также были перепечатаны и переводы 1920–1923 гг. (нами выявлено три таких текста)¹⁷. Однако нигде специально эти перепечатки в книге не выделены..

Из 64-х представленных в «Антологии» авторов только у 8-ми переведено больше трех текстов: это как дореволюционные классики (Олександр Олесь, Леся Украинка, Иван Франко, Тарас Шевченко), так и молодая генерация поэтов: Павло Тычина, Валериан Полищук, Максим Рыльский, Василь Чумак. Подробнее всего представлено творчество Т. Шевченко (14 текстов) и Павла Тычины – 12; а также Олександра Олесь – 9, Василя Чумака – 8, Максима Рыльского – 6, Ивана Франко – 7, Леси Украинки – 5.

Самыми активными переводчиками были Сергей Пилипенко – 22, Елизавета Новская¹⁸ – 14, много переводов дал Ричард Победимский (А. Белецкий) – 7 и Александр Гатов – 6 (скорее всего, именно эти переводчики выполняли заказ издательства); 11 переводов Давида Выгодского – это тексты, сохранившиеся от проекта Антологии украинской литературы 1922 гг., откуда же «позаимствованы», по-видимому, и два перевода Ю. Олеси¹⁹; у Михайла Доленго – 9 переводов, у П. Шлеймана и В. Сосюры – по 7, у Ю. Полетики – 5, у Д. Крачковского (Д. Кленовского) – 4, Н. Гаврашенко – 3, у М. Зерова, И. Кулыка, Д. Помренинга – по 2; также Г. Петников – 4 (два под его собственным именем, два под криптонимом – Г. П.); О. Бургардт и М. Хвелевой представили по 1 переводу; один из переводов Х. Алчевской подписан И. У. (скорее всего, это Измаил Уразов).

Одним из достоинств Антологии редакторы считали осуществленную ими подготовку новых переводов украинских классиков, большинство из которых были выполнены Сергеем Пилипенко. Это тексты Пантелеймона Кулиша. «Дума (1637)», Степана Руданского – «Наука», Василя Самийленко – «Элегия», Мыколы Старицкого – «Швея».

Редакторы не задавались целью представить наиболее точные переводы: «перевод стихов не всегда передает все особенности оригинала» (с. 6), – предупреждали они читателя в предисловии. Что же меняли переводчики в тексте оригинала? Анализ показывает, что некоторые тексты классиков были прочитаны как политически некорректные, поэтому они «подчищались». Название стихотворения Пантелеймона Кулиша «Кумейки» (топоним – название села) было заменено на более понятное – «Дума: (1637)»: вероятно, эта замена обусловлена желанием сделать текст доступнее для неподготовленного читателя. В самом тексте сняты все упоминания о нациях, особенно употребленные с негативной коннотацией, национальный акцент заменен на социальный, акцентируется внимание на борьбе классов («ляхи» заменено на «шляхта»; «украинский» на «крестьянский, мужицкий»): «Розігнали *ляхи* наших, / Як вовки отару» (39)²⁰ // «Разогнала *шляхта* наших, / Словно волк овецек» (125), «Щоб росла в боях кривавих / *Українська* доля!» (40) // «Чтоб росла в боях кровавых / *Крестьянская* доля» (126), «Поки Рось зветься Россю, / Дніпро в море летя, / Поті серце *українське* / З панським не зживеться» (40) // «Поки Рось зветься Россю / И Днепр в море летя, / *Мужиков* до тех пор серце / С панским не сживетя» (126). «Ретушь» встречаем и в других переводах классиков, сделанных С. Пилипенко, например, в стихотворении

¹⁵ Рукавишников Иван. Молодая Украина. Кн. 5. СПб.: Тип. «Обществ. Польза», [1909]. 265 с.

¹⁶ Поэзия славян: Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей, изданный под редакцией Н. В. Гербеля. СПб, 1871.

¹⁷ Йогансен М. Революция [пер. В. Сосюры] // Коммунист. 1923. № 269. С. 1; Полищук В. Ленин / пер. с укр. Г. Петникова. 1923. Путь просвещения. 56 с.; Хвелевой М. За гранями зима (пер. В. Сосюры) // Зори грядущего. 1922. № 1. С. 26.

¹⁸ Подробнее о Елизавете Андреевне Новской см.: Соболев А. Л. Летейская библиотека: биограф. Очерки. М.: Трутень, 2013. С. 280-299.

¹⁹ Отрывок из поэмы Леси Украинки «В катакомбах» дан по изданию: Украинка Леся. В катакомбах / [пер. Ю. Олеси]. Х.: Екатеринослав: Госиздат Украины, 1922. 24 с. Подробнее о подготовке этого издания см. заметку Цимеринова Б., Полянской Е. Юрий Олесь – переводчик Леси Украинки (Вопросы литературы. 1971. № 8. С. 251–253); в ней упоминается публикуемая нами рецензия А. Белецкого, однако с неточностями, авторы не указали среди переводчиков Давида Выгодского.

²⁰ Текст П. Кулиша цитируется по изданию: Куліш П. О. Твори: в 2 т. К.: Дніпро, 1989. Т. 1. Поетичні твори / Підгот. тексти, упоряд. і склав приміт М. Л. Гончарук. 654 с.

П. Грабовского «Сон» строка «Садок *приснився* коло хати» заменена на «*Наш садик рдеет под плодами*» (с. 76): слово «рдеет» в подтексте вводит революционную колористику.

Довольно парадоксально выглядит подборка переводов стихотворений Тараса Шевченко. Из 14 текстов, включенных в Антологию, только два являются новыми переводами: это «О люди, люди горемыки...»²¹ и отрывок из поэмы «Сон» (трудно пояснить, почему редакторы название этой поэмы Шевченко перевели как «Сны»). Работа переводчицы Елизаветы Новской была высоко оценена современниками (например, А. Багрий в 1925 г. писал: «Хорошо передает оригинал и новый перевод Новской... при переиздании следует заменить лишь слово “согбен”»²²). Остальные переводы Т. Шевченко в Антологии – это перепечатки из дореволюционных изданий: тексты Л. Мея, Н. Гербея, А. Плещеева, М. Михайлова. Редакторы, по-видимому, не задавались целью познакомить читателей с запрещенными цензурой произведениями Т. Шевченко, публикация которых стала возможной после революции. В Антологии представлены только два таких стихотворения: это отрывок из поэмы «Сон» в переводе И. Белоусова «Смех и слезы. Сердце рвется, / Ноет от досады...»²³ и «Юродивый» в переводе Ф. Гаврилова (вероятно, перепечатка из сборника под редакцией И. Белоусова «Запретный Кобзарь» (1918, 1922)²⁴).

В архиве А. Белецкого нам удалось также обнаружить рукописи некоторых переводов из Антологии. Как уже упоминалось, А. Белецкий подготовил 7 текстов: Дмытра Загула «Из книги “На грани”», Тодося Осьмачки «Хохот», Мыхайля Семенко «Парикмахер», Грыцька Чупрынки «Лен», Гео Шкурупия «Барабан печали», Владимира Ярошенко «Безнадежность». Черновики этих текстов составляют рукописный самодельный сборник под названием «Etudes. 1923»²⁵. На одной из его страниц рукой А. Белецкого в столбик написано: «Загул 3 стих. / Ярош[енко] 3 стих. / Шкур[упий] 2 стих. / Чупр[ынка] 1 / Осьм[ачка] 1 / Семенко 1»²⁶. По-видимому, это перечень десяти переводов, которые автор планировал дать в Антологию, однако в окончательный вариант книги было включено только семь стихотворений. Рукописный и печатный варианты отличаются: строка «И не проникнут слепые люди»²⁷ заменена на «И не проникнут *пустые* люди...»²⁸ (Д. Загул «Из книги “На грани”»), вместо «Издаваясь, глумится надо мною Сатур» – «Или это глумится, забавляясь Сатур»; «Я *срамлю* вас, мрачный, большой» заменено на «Я *skonфузил* вас, мрачный, большой?»²⁹ («Безнадежность» В. Ярошенко).

Вероятно, одной из самых сложных для редакторов была работа с текстами переводов из П. Тычины, поэзию которую многие критики 1920-х годов считали непере译имой. Через несколько лет в предисловии к изданию переводов П. Тычины 1927 году А. Гатов писал: «Я на опыте убедился в трудности передачи стихов Тычины на ином языке, переводя его и редактируя вместе с С. В. Пилипенко “Антологию украинской поэзии в русских переводах”³⁰. Выбирая для антологии из нескольких вариантов перевода один, мы печатали его подчас с тяжелым сердцем: в русской передаче

²¹ Этот перевод Е. Новской позднее был перепечатан в издании: Шевченко Т. Кобзарь (избранные стихотворения) / перевод А. П. Колтоновского. М.-Л.: ГИХЛ, 1933 («Дешевая библиотека классиков»).

²² Багрий А. В. Т. Г. Шевченко в русских переводах. Баку: Аэлит, 1925. С. 51 (pdf см. тут: <http://elib.nplu.org/view.html?id=3287>).

Имеется в виду строка: «...Калека дряхлый дед, / Согбен, за ними ковыляет...» (Антология. 1924. С. 273)

²³ В издании Шевченко Т. Г. Кобзарь в переводе И. А. Белоусова (Изд. 2-ое, испр., с дополн. запрещен. стих. М.: Отдел печати Московского Совета Р. и К.Д., 1919. 304 с.) этот текст И. Белоусова напечатан на стр. 123.

²⁴ См. о русских переводах из Т. Шевченко: Зеров М. Иван Белоусов, російський перекладач «Кобзаря» // Зеров М. Українське письменство / упоряд. М. Сулима. К.: Основи, 2002. С. 773–783; Новицкий М. [Зеров М.]. «Кобзарь» Шевченко в русских переводах // Зеров М. Українське письменство / упоряд. М. Сулима. К.: Основи, 2002. С. 1000–1028.

²⁵ Институт литературы им. Тараса Шевченко (Украина, Киев – далее ИЛ). Ф. 162 (Фонд А. И. Белецкого). Д. 1227. Etudes. 1923, 14 лл. На странице 3 л. об. и 4 л., 3 л. об. и 4 л., 5 л., 7 л. об. и 10 л. об. неатрибутированные переводы стихотворений, на странице 6 л., 6 л. об., 7 л. – черновой перевод стихотворения Чупрынки «Лен», с многочисленными правками.

²⁶ ИЛ. Ф. 162. Д. 1227. Etudes. 1923. 5 л. об.

²⁷ Сравнивая рукописный и печатный варианты, сначала цитируем рукописный текст.

²⁸ ИЛ. Ф. 162. Д. 1227. Л. 2, 2 л. об., 3 л., 3 л. об.

²⁹ ИЛ. Ф. 162. Д. 1227. Л. 3, 3 л. об., 4 л. об.

³⁰ Книгу своих переводов с украинского в издательстве «Огонек» (Москва, 1930), А. Гатов посвятил С. Пилипенко в память о работе над Антологией. «Книгу посвящаю Сергею Владимировичу Пилипенко в память нашей совместной работы над переводами украинских поэтов на русский язык» (Гатов А. Предисловие // Гатов А. Из украинских поэтов. М.: Огонек, 1930. С. 4).

разрушалась математическая точность конструкции, исчезали детали»³¹. По-видимому, не всегда выбор редакторов был наилучшим. Юрий Полетика предоставил редакторам несколько вариантов перевода стихотворения П. Тычины «И Белый, и Блок, и Есенин, и Клюев...», однако: «Зачем-то помещено явно неудачное, без сохранения размеров подлинника, “И Белый, и Блок...”, хотя редакция располагала вариантом, более близким к оригиналу»³², – возмущенно писал Юрий Полетика в рецензии на Антологию. Возможно, трудностью адекватного перевода и требовательностью самого автора к качеству русского текста объясняется отсутствие в Антологии новых стихотворений П. Тычины; к примеру, в журнале «Червоний шлях» как раз в 1923 г. (№ 3) было опубликовано знаковое его стихотворение – «Вітер з України», однако в Антологию оно не включено.

Для Антологии поэзию П. Тычины переводили Ю. Полетика, Е. Новская, Д. Помренинг, П. Шлейман. По-видимому, все переводы Юрия Полетики (пять) были сделаны еще в 1918–1920 гг., сразу же после появления оригиналов. Тексты были одобрены самим Тычиной, вот как об этом вспоминает брат Юрия – Николай Полетика: «Юрий переводил его (П. Тычины – О. П.) стихи на русский язык и носил свои переводы Тычине на проверку и одобрение. Поэтому мы довольно часто бывали в крошечной квартире Тычины в конце Кузнецкой улицы. У меня сохранились эти первые сборники с его автографами-посвящениями. <...> Я с удовольствием вспоминаю наши беседы в 1918–1920 гг. в его скромной квартире и храню свято память о нем, хотя после 1921 г. мне не пришлось с ним встретиться»³³.

Вступительная статья А. Белецкого «Новая украинская лирика», написанная в декабре 1923 г. (дата указана в печатном варианте), является этапной в изучении украинской поэзии первой четверти XX в., это одна из первых обобщающих литературоведческих работ о данном периоде³⁴. Анализируя этапы становления новой украинской лирики, А. Белецкий не только характеризует ее стилевые особенности, но и рассматривает вопрос русско-украинских литературных связей. Ученый подчеркивает важность для украинской дореволюционной поэзии идеи национального возрождения: «...российская интеллигенция не понимает (речь идет о культурной политике XIX в. – О. П.) всей справедливости их (украинских патриотов – О. П.) требований, полускептически относится к их речам об уже существующей национальной культуре» (с. 7). Литературовед развенчивает популярный в русской литературе образ украинцев как «племени пляшущего и поющего» (с. 7), подчеркивает, что «внутренняя сторона жизни этого “хохла” (имеется в виду лубочный образ вишневого садков, белых хат и народа с врожденным чувством юмора – О. П.) интересовала его (русского интеллигента – О. П.) в очень малой мере» (с. 7). Революционные изменения, по мнению А. Белецкого, привели к тому, что «великодержавная точка зрения изживается и почти уже изжита ныне» (с. 10), российскому читателю «пришлось примириться и с мыслью об украинском языке, и с мыслью о возможности украинского стиля, например, в архитектуре» (с. 10). А. Белецкий констатирует, что, в отличие от украинских писателей, которые хорошо знают русскую литературу, «трудно найти российского (писателя – О. П.), который хотя бы поверхностно знал, например, Олеся или Тычину...» (с. 10). Формулируя идею «золотого века» советской литературы, избавившейся от мрачного колониального и самодержавного наследия великорусскости, критик идеализирует ситуацию в литературе 1920-х годов³⁵.

³¹ Гатов А. Павло Тычина // Тычина П. Избранные стихотворения. Харьков: ГИУ, 1927. С. 7.

³² Полетика Ю. Антология... С. 284.

³³ Цит. по: Полетика Н. П. Виденное и пережитое: из воспоминаний. [Иерусалим]: Библиотека-Алия, 1982. 433 с. (электронный вариант: Полетика Николай. Воспоминания. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/.../POLETIKA/wospominaiya.txt>).

³⁴ В альманахе «Плуг» напечатан переведенный на украинский язык и значительно отредактированный ее вариант – «20 років нової української лірики (1903–1923)» (Плуг. Збірник 1. 1924. С. 157–185). Журнальная версия концептуально отличается от вступительной статьи в Антологии: сняты все упоминания о великодержавном отношении дореволюционной русской интеллигенции к украинской культуре, о незнании и игнорировании современными (уже революционными) русскими писателями украинской литературы.

³⁵ Примером того, насколько великодержавный дискурс оказался живуч в пореволюционную эпоху, может быть рецензия на Антологию, подписанная И. Г. (по-видимому, Илья Груздев), в журнале «Звезда» (1924. № 3. С. 312). В ней мы читаем: «Украинская поэзия – младшая сестра поэзии русской. Теперь, после того, как революцией сняты цепи с украинского языка... украинской поэзии предстоит *окрепнуть* и, может быть, стать в отношении великорусской поэзии в более самостоятельное положение» (ни автор, ни редакторы журнала не заменили слово «великорусский» на «русский» – О. П.), «...настало время внимательнее и серьезнее изучить эту ветвь *нашей* литературы» (украинская литература по умолчанию признается частью великорусской словесности. – О. П.). Рецензент демонстрирует полное незнание предмета, считая дореволюционные переводы И. Белоусова и И. Рукавишника специально подготовленными для Антологии.

Размышляя над проблемой русско-украинских литературных связей, А. Белецкий приходит к выводу, что революция открыла пути к взаимодействию двух культур и культурным заимствованиям; по его мнению, после событий 1917–1920 гг. украинская литература стала восприимчива к влияниям русских писателей, в частности, он отмечает влияние русского футуризма на М. Семенко, а русского символизма – на П. Тычину и М. Рильского: «...именно революционные годы свалили давно уже шатавшуюся стену между литературой российской и украинской. Это привело... к тому, что российские влияния теперь заметнее, чем раньше» (с. 40). В предисловии А. Белецкого 1923 г. намечается формирование концепции русско-украинских литературных связей в свете идей дружбы двух братских народов и влияния русской литературы на украинскую. Ученый формулирует тезис о взаимном обогащении культур, он считает, что межкультурная коммуникация «может сыграть роль толчка для изучения одного из ближайших и прекраснейших языков славянской семьи» (с. 63), а также чтения в оригинале украинской поэзии, давно имеющей «международное, европейское значение» (с. 10)³⁶.

Отметим, что не все критики и литературоведы 1920-х годов представляли русско-украинские литературные связи в таком идиллическом свете, как А. Белецкий; например, уже упоминавшийся Юрий Полетика справедливо указывал, что влияния русской литературы на украинскую «слишком стерты, слишком переродились в украинской обстановке» (с. 283), также критик подчеркивал важность личности и творчества Сковороды для украинской культуры: «Затем ничем не объяснимо почти полное замалчивание проф. Белецким философии Сковороды, осветившей украинскую литературу особым светом и позволившей ей претворить заимствованное в нечто новое, своеобразное, национальное. Идеи Сковороды могут быть прослежены на всем протяжении украинской поэзии от Шевченко до Тычины, если не далее»³⁷.

Как уже отмечалось, во время предварительного чтения цензором Антологии из нее было изъято одно стихотворение – перевод басни Евгена Гребинки «Будяк та Конопляничка». По мнению цензора, слово «комиссар», имеющееся в оригинале и повторенное в переводе, может быть истолковано превратно. Переводчик не указан, но скорее всего, речь идет о Сергее Пилипенко. Текст басни прочитывается как знаковый для той эпохи; и не исключено, что он был включен в Антологию специально для тех, кто умеет читать между строк. Приведем отрывок из цензурного заключения полностью: «Из “Антологии украинской поэзии. Издан. Госиздата” вилучено текст “Конопля і репейник”, авт. Євген Гребінка (1812–1848). Вилучено за те, що може бути неправильно виявлено (sic!).»

*Чого ти, вражий сын, все в бок меня толкаешь.
Репейник конопле сердито говорил.
«Да как же мне расти, коль сам тишком, как знаешь,
Ты землю у меня под боком захватил».*

*Как много есть людей репейнику под пару:
Их все должны любить, они же – никого.
Я указал бы вам на пана одного,
Да ну его, боюсь: обижу Комиссара»³⁸.*

³⁶ Известный украинский литературовед и публицист Сергей Ефремов в своем дневнике высоко оценил статью А. Белецкого. 8 марта 1924 года он пишет: «Дістав нову книжку “Антологія української поезії в російських перекладах”. Переклади здебільшого *благенькі*, зате стаття Білецького цікава. Багато його присудів сходяться з тим, що в мене в останньому розділі “Історії” (имеется в виду “Історія української літератури” – О. П.), хоча заходить він з іншого боку» (Ефремов С. Щоденники. 1923–1929. К.: Газета «Рада», 1997. С. 87).

³⁷ Полетика Ю. Антологія... С. 283.

³⁸ ЦДАВОВ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 982. Матеріали Київського губотдела по справах друку, 18 січня 1923 – 15 січня 1924 гг. Л. 330.

Подаємо текст басні в оригіналі:
«Чого ти так мене, паскудо, в боки пхаш?» –
На Конопляничку в степу Будяк гукав.
«Да як рости мені? і сам здоров ти знаєш,
Що землю у мене з-під корінця забрав».

Бува і чоловік сьому колючці пара:
Людей товче та й жде, щоб хто його кохав.
Я бачив сам таких і, може б, показав,

Судьба Антологии повторила судьбу многих издательских проектов 1920-х годов, которые не вписывались в заидеологизированную культурную политику советской власти. Она фигурирует в «Сводном списке книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» (М., 1961)³⁹. К этому времени 22 автора книги (М. Вороний, Д. Загул, М. Зеров, М. Йогансен, О. Журлыва, И. Кириленко, Г. Коляда, А. Крымский, И. Кулык, А. Павлюк, А. Панив, В. Полищук, Я. Савченко, М. Семенко, О. Слисаренко, М. Терещенко, П. Филипович, М. Чернявский, Г. Шкурупий, Ю. Шпол (настоящее имя – Михайло Яловой), В. Ярошенко, а также редактор и переводчик Антологии – Сергей Пилипенко, были репрессированы, расстреляны или умерли в лагерях в конце 1930-х – начале 1940-х гг., Мыкола Хвылевой покончил жизни самоубийством в мае 1933 г., Тодось Осьмачка в 1961 г. находился в эмиграции, в Америке. Из переводчиков были репрессированы – Давид Выгодский и Юрий Полетика, П. Шлейман (Карабан) (прошел лагеря), Освальд Бургардт (псевдоним – Юрий Клен) еще в 1930-х эмигрировал из Украины в Германию.

Оценивая проект Антологии с исторической перспективы, можно с уверенностью сказать, что при всех своих недостатках – компилятивности, порой низком уровне переводов, непродуманности структуры – Антология была важным этапом становления украинской науки о переводе и ярким издательским проектом 1920-х годов. Впервые после революции сделана попытка целостно представить *vita nova* украинской поэзии, ознакомить русскоязычного читателя с творчеством украинских поэтов. Переводы из Антологии еще долгое время перепечатывались в коллективных сборниках: «Современные украинские писатели. Маленький сборник под редакцией В. Полищука» (Х.: Украинский рабочий, 1925. 66 с.), «Поэзия народов СССР. Сборник. Сост. Сигизмунд Валайтис, предисл. П. С. Когана» (М.: Московское товарищество писателей, 1928. 167 с.), а также в книгах переводов П. Тычины и М. Рыльского.

Та цур йому! розсерджу комісара! (Цит. по: Гулак-Артемівський П. Поетичні твори. Гребінка Є. Поетичні твори. Повісті та оповідання / упоряд. М. М. Павлюка. К.: Наукова думка, 1984. С. 144).

³⁹ Ссылаемся на электронный вариант книги: Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. М. 1961. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/catalogue/?id=3404>

Приложение.

БЕЛЕЦКИЙ А. Отзыв о рукописи, заключающей в себе собрание стихотворных переводов украинской лирики XIX–XX вв. на русский язык (переводы Д. Выгодского, В. Катаева, Ю. Олеши, Г. Шенгели и др.). 164 страниц разных форматов (333-334 арк.)⁴⁰

Данные переводы предназначались, насколько я знаю, для задуманной ГИУ антологии новейшей украинской поэзии в русских переводах. Русский читатель мало знаком с украинской литературой и еще меньше с украинской лирикой. Только Шевченко еще пользуется некоторой известностью; немногочисленные и неудачные попытки отдельных русских поэтов познакомить с молодой украинской поэзией русских читателей (напр., сборник И[вана] Рукавишникова «Молодая Украина») не имели никакого успеха. А между тем, именно в начале XX века и еще более на наших глазах, украинская лирика, выйдя из круга однообразных тем и настроений, повторившихся в XIX веке из десятилетия в десятилетие – выдвинула целый ряд поэтов, значение которых, несомненно, уже не только местное и национальное. В настоящее время продолжает работать такой поэт, как Павло Тычина [Павло Тичина]⁴¹, смело выдерживающий сравнение с крупнейшими из современных российских поэтов. Революционная и пролетарская поэзия на Украине нашла себе, по моему мнению, выразителей более ярких и своеобразных, чем в России. Недоступность языка, малая распространенность украинских книг (даже в Харькове многих сборников украинских поэтов достать невозможно!) мешают русскому читателю познакомиться с творчеством ближайшего и самого родственного из всех славянских народов-племен и оценить его как должно. Не сомневаюсь, что антология новейшей украинской лирики в русских переводах имела бы успех у публики и сыграла бы немалую художественную и политико-просветительскую роль в широких кругах русских читателей.

Новейшей украинской лирикой принято называть поэтов, выступивших с 1900 приблизительно года в печати. Ее прямыми предшественниками являются поэты старшего поколения: Леся Украинка [Леся Українка], А. Крымский [Агатангел Кримський], М. Вороний [Микола Вороний], М. Чернявский [Микола Чернявський], Богдан Лепкий [Богдан Лепкий], иные из них теперь уже умерли, другие, хоть и живы, но сошли со сцены, перестали играть руководящую роль: из более молодых такая судьба постигла Гр. Чупрынку [Грицько Чупринка] и Олеся [Олександр Олесь], хоть и находящего себе и сейчас читателей, но отодвинувшегося в прошлое, ставшего достоянием истории литературы. Новейшая лирика, это поколение 90-х годов: левое крыло – творящее под знаком футуризма, где мы находим М. Семенко [Михайль Семенко], В. Ярошенко [Володимир Ярошенко]; представители революционной и пролетарской лирики – Вас. Чумак [Василь Чумак], В. Эллан [Василь Еллан] и др.; представители символизма и импрессионисты, в роде Савченко [Яків Савченко], Загула [Дмитро Загуг], Дударь [Домініка Дудар], отчасти М. Рильского [Максим Рильський] – и названного выше П. Тычины. Подходить ли к задаче составления антологии с чисто художественным умыслом – составлять ли ее с тем, чтобы дать картину различных политических идеологий – все равно необходимо представить все названные течения. В материалах, о которых дается мною отзыв, этого не сделано.

Выбор поэтов для перевода – совершенно случайный. Наибольшее внимание уделено Ив. Франко [Іван Франко], Лесе Украинке и Олесю – т. е. поэтам, художественное влияние которых сейчас либо пресеклось, либо значительно ослабело. Из первого мы имеем 16 пьес: слишком много для Франко в антологии «новой» поэзии – и слишком мало для того, чтобы составить понятие о настроениях и мотивах лирики этого замечательного культурного деятеля, как-никак отошедшего в прошлое. Из Леси Украинки взято 9 пьес – в том числе два отрывка из драматических произведений: получить представление о ее лирике, последним моментом которой

⁴⁰ ЦДАВОВ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 188. Лл. 333–334.

⁴¹ В тексте рецензии А. Белецкий писал украинские имена и фамилии в основном по-украински, иногда склоняя фамилии мужского рода на –о, однако в статье «Новая украинская лирика», помещенной в Антологии, он их транслитерировал. В публикации мы даем транслитерацию, в квадратных скобках первый раз расшифровывая инициалы и указывая написание фамилии и имени по-украински.

был сборник «На крилах пісень» 1903 г., трудно. Зато из Олеся мы имеем 44 перевода: среди них мы не найдем, впрочем, ни таких вещей, как «Ой була на світі та удівонька» или «Косять коси» и др., входящих во все украинские хрестоматии. Чем вообще руководствовались при выборе пьес для перевода? Личным вкусом, быть может: но не известностью стихотворения, не его историко-литературным значением, не его художественным значением, не его высокой оценкой в украинской критике. Местами начинает казаться, что руководствовались еще и другим – сравнительной легкостью пьесы для перевода. Поэтому для Павла Тычины не взято почти ничего (одна вещь!) из сборника «Соняшні кларнети» – а между тем, можно ли получить представление о Тычине [333 зв.] вне этого сборника? Среди переводов нет вообще переводов из Петра Карманского [Петро Карманський], О. Луцкого [Остап Луцький], Маковей [Осип Маковей], В. Пачовского [Василь Пачовський], Я. Савченко, О. Слисаренко [Олекса Слісаренко], М. Терещенко [Микола Терещенко], Павла Филиповича [Павло Филипович], М. Филянського [Микола Філянський], Грабовского [Павло Грабовський], В. Ярошенко [Володимир Ярошенко] – нет и [более молодых – вычеркн.] В. Полищука [Валеріан Поліщук], Хвильевого [Микола Хвильовий], Сосюры [Володимир Сосюра] – и некоторых других: зато имеется, правда, в одном переводе одно стихотворение Хр. Алчевской [Христя Алчевська], имеется в двух переводах – одна пьеска М. Славинского [Максим Славинський]. Пьеса Славинского называется «На мотив Сапфо». Вот ее начало:

Богом той мені здається,
Хто сидить з тобою поруч и т.д

Стихотворение Сапфо не дошло до нас целиком в подлиннике; мы имеем его в знаменитом переводе Катулла «*Ille mi par esse deo videdur*», переведенное на русский язык бесконечное количество раз поэтами, начиная от Сумарокова и кончая Вячеславом Ивановым. Что даст русскому читателю вариация Славинского, переведенная Д[авидом] Выгодским один раз и другим переводчиком еще раз? Любопытно бы знать также, какие цели преследовали переводчики, включая в свое собрание нижеследующий виршик Хр. Алчевской:

Мне все равно, как мне
растравят сердце боль и муки –
на все найду я в лире звуки
и песню всем отдам мою!
Мне все равно, какое мне
грозит за пение распятые:
не брошу петь и вот опять я
вам песню всем отдам мою!
Но ведь и я – певец народа –
меня страшитесь погубить.
Людскому мщенью не забыть
Когда вы песнь мою убьете.

У меня нет под рукой подлинника – но как бы ни была несовершенна его форма, нет сомнения, что такой формальной беззаботности, которая проявлена в переводе, – автор, конечно же, себе не позволил бы!

Но об этом дальше: пока мы говорим о выборе: выбор поэтов носит случайный характер. Не переведено многое, что должно найти себе место в антологии, но переведено немало такого, что с успехом могло бы остаться без всякого перевода.

Второй вопрос о качестве переводов. К сожалению, некоторые переводчики обнаружили весьма слабое понимание украинского языка. К своей задаче они отнеслись не особенно тщательно – и есть случаи, когда не потрудившись справиться со словарем, они либо пользовались созвучным, но совершенно иной смысл имеющим русским словом, либо даже оставляли непонятное слово без перевода. Примеров много. Беру одно из них, стих[отворение] Олеся «Казка ночі». В четвертой строке подлинника: «Десь на дні ясного моря»: в переводе – «Там на дне прозрачного моря», хотя дно-то моря уж никак прозрачным назвать нельзя, даже не умея

разобрать украинскую фразу по частям предложения. В пятой строфе переводчик не понял слово «шалена»: «я зложу шалену пісню» и без колебаний пишет: «Я спою (такую) песню» – и в таком виде представляет рукопись для печати! О том, как передается настроение подлинника, можно судить по последней строфе:

Чуєш – кличуть солов'ї
З хати – в казку, з ліжка – в море...
Мила, вийде, виплинь в море –
Чуєш? кличуть солов'ї!

Слышишь, соловьи зовут.
Вон из хаты в сказку, в море...
Детка, выйди, выплывь в море
Слышишь? Соловьи зовут!

Довольно часто переводчик просто ограничивается заменой украинской фонетики великорусскою, переписывая стихотворение новой русской орфографией. Вот что получилось из одного из задушевнейших стихотворений Тычины:

Одчиняйте двері
Наречена йде!
Одчиняйте двері – голуба блакить!
Очі, серце і хорали –
Стали...
Ждуть... Одчинились двері
Горобина ніч!
Одчинились двері
Всі шляхи в крові
Незриданими сльозами,
Тьмами –
Дош...

Отворяйте двери
Нареченой путь!
Открывайте двери –
Ясная лазурь!
Очи, сердце и хоралы
Стали
Ждут...
Распахнулись двери
В буре – ночь черна.
Распахнулись двери –
Все пути в крови.
Непролитыми слезами,
Тьмами
Дождь...

Подобные переводы вряд ли стоили переводчикам большого труда: странно – отчего они ограничились себя лишь 1952 стихотворными строками! Другой пример из того же Тычины:

На майдані коло церкви
революція йде.
– Хай чабан! – усі гукнули, –
за отамана буде.
Прощайте, ждіте волі, –
гей, на коні, всі у путь!
Закипіло, зашуміло –
тільки прапори цвітуть...
На майдані коло церкви
посмутились матері:
та світи ж ти їм дорогу,
ясен місяць угорі!
На майдані пил спадає.
Замовкає річ...
Вечір.
Ніч.

Вот на площади, у церкви
Революция шумит⁴²
– Пусть пастух, – **вскричали люди,**
Нами правит и царит.
Ну, прощайте, ждите воли
В путь по кóням (!), в стремена!
Закипело, зашумело,
Только **рдеют** знамена.
И на площади, у церкви
Материнский вздох и **грусть:**
С неба месяц **серебристый**
Им в пути посветит пусть
Пыль на площади садится.
Говор смолк. **Черно.**
Вечер.
Ночь.

Детальный разбор недочетов переводов, думаю, не нужен: но таковы и все переводы из Тычины, замечательнейшего из новейших украинских лириков! Их нужно просто отбросить и поручить кому-то сделать другие с более удачным выбором. Но Тычина не один страдает от предательства переводчиков (по итальянской поговорке – traduttore – traditore). Возьмем другого

⁴² Здесь и далее в статье А. Белецкого все выделения сделаны А. Белецким.

поэта – В. Эллана. Из маленькой книжки «Удари молота і серця» пьеса «Восстание» переведена дважды двумя переводчиками – и ни один, ни другой (другой – Д[авид] Выгодский⁴³, чьи переводы вообще тщательней сделаны и могли бы – за исключениями! – быть приняты в качестве материала для антологии), не одолело подлинника. Но первый переводчик-аноним (по почерку тот же, который переводил и Тычину) лишает отдельные строфы смысла и переписывает то, что понятно без перевода, буквально – а то, что нуждается в пересоздании средствами иной фонетики, иного словаря – то у него либо отпадает, либо заполняется каким-либо стереотипом. Лучше всего удались переводы из Франко и Олесь⁴⁴ – из последнего взяты случайные и далеко не лучшие вещи – а первый по обилию рассудочного и разговорного элементов в своих стихах легче поддается такому же пересказу на другом языке. Трудней было справиться с Лесей Украинкой, особенно тем, кто слово «гебрей» оставляет как собственное имя (отрывок из др[амы] «В доме труда»). И у этой поэтессы начало рассуждающее берет верх над эмоциональным – и при мелких недостатках, переводы ее 9 стихотворений все-таки сносны. Но Франко, Вороний, Лесья Украинка, Олесь – какая же это новейшая украинская поэзия? А если отбросить переводы из этих поэтов, отбросить, по другим соображениям, переводы из П. Тычины – останется – не более 30 стихотворений случайного набора из разных поэтов. Привожу список того, что дает рукопись⁴⁵: Франко, Чернявский (род. 1867), А. Крымский (р. 1871), М. Славинский (р. 1868), М. Вороний (1872), Л. Украинка (1872–1913), Богдан Лепкий (1872), Олесь (1878), Чупрынка (1879).

Поэты старшего поколения, творчество которых не связано органически с новой школой⁴⁶: Тычина, Семенко, Самийленко [Володимир Самійленко], Рыльский, Дударь, Загул, Шаповал [Микита Шаповал], Пидгирянкa [Марійка Підгірянкa], Кулык [Иван Кулик], Кобылянский [Володимир Кобылянський], Чумак, Эллан, Алчевская, Алешко [Василь Алешко].

Ср[авним] с этим то, что дает, напр[имер], сборник М. Зерова. Нова українська поезія⁴⁷...: Вороний, Дударь, Эллан, Загул, Карманський, Кобылянський, Козловський, Кримський, Лепкий, Луцкий, Любченко⁴⁸, Маковей, Олесь, Пачовський, Підгірянкa, Рильський, Рудницький⁴⁹, Савченко, Семенко, Славинський, Слісаренко, Твердохліб, Терещенко, Тичина, Лесья Українка, Филипович, Філянський, Чарнецький⁵⁰, Чернявський, Чумак, Чупринка, Ярошенко.

О сборнике Зерова упоминаю потому, что переводчики, очевидно, имели его в качестве главного своего источника: но использовать опыт его выбора не захотели.

Вывод из приведенных данных – число примеров неудачного отбора, плохого перевода можно было бы увеличить еще на лист – таков: издавать данный материал не следует; о новой украинской поэзии он не может дать нужного представления; об искусстве переводчиков он даст представление для них невыгодное. Немногое из этого материала, после тщательного просмотра, можно было бы включить, м[ожет] [быть], в антологию новой украинской поэзии, издание которой – для русских читателей – мне представлялось бы необходимым. Как его осуществить – это уже вопрос, выходящий за пределы отзыва о данной рукописи.

12.11.1922

⁴³ Это стихотворение было включено в окончательную редакцию Антологии 1924 г.

⁴⁴ В Антологию 1924 г. вошло 3 перевода О. Олесья, сделанные Д. Выгодским.

⁴⁵ Далее в рецензии список имен подается в столбик, мы записываем его в строчку для экономии места.

⁴⁶ Далее в рецензии список имен подается в столбик, мы записываем его в строчку для экономии места.

⁴⁷ Имеется в виду антология: Нова українська поезія / укладач М. Зеров (К., 1923). В этом абзаце все фамилии у А. Белецкого даны по-украински, мы сохраняем написание оригинала, т.к. цитируется украиноязычная хрестоматия.

⁴⁸ Микола Любченко.

⁴⁹ Михайло Рудницький.

⁵⁰ Степан Чарнецький.